

Читательское признание завоевывают писатели, чутко улавливающие современную жизнь народа, зорко подмечающие типы, складывающиеся в наше время. А для того чтобы вести за собой читателей, опять-таки нужно умение художественно *исследовать* увиденные факты и людей. Оно достигается не легко и не просто. Сошлемся хотя бы на пример В. Тендрякова. Он обладает острым зрением художника. Борьба и коренные расхождения между персонажами его книг вызваны глубокими расхождениями во взглядах на смысл жизни, на свое место в ней, за поступком каждого ощущается его нравственная позиция. Морально-этическое содержание человеческих отношений и конфликтов как раз и является той стороной жизни, которая постоянно и живо интересуется молодого писателя. Он стремится первым уловить формирование определенного типа, его характерные черты и перспективы развития, хотя это не всегда и не во всем делается глубоко и продуманно. О сложности такой задачи можно судить по последнему произведению писателя — повести «Тугой узел». Здесь проявились и показательная для Тендрякова зоркость наблюдений, и недостаточная ясность авторской позиции.

Споры и борьба, которую ведут персонажи повести вызываются не только разным пониманием того или другого конкретного дела, но и разным *отношением* к жизни, и в этом — объяснение остроты и напряженности ее конфликта, отсутствующих в книгах, где все сводится к частным разногласиям и недомолвкам. Героям повести — колхозным организаторам, партийным деятелям, юным комсомольцам есть о чем спорить, потому что они ищут правильного стиля жизни и работы, соответствующего нынешним условиям и самим принципам, на которых основан наш общественный строй.

... Умирает секретарь райкома партии Комелев. Все единодушно признают: он жил для людей, любил

их, забывал о самом себе. Но приходит в голову и другая мысль: этот честный работник «как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал и не доверял». Нового секретаря Павла Мансурова полюбили в районе, увидев, с какой горячностью он берется за насущно необходимые дела, за право колхозов самим планировать развитие своего хозяйства. Он утратил свой авторитет, потерял друзей и постепенно стал тормозом в работе, когда поставил собственные интересы выше общественных, начал всеми правдами и неправдами делать карьеру. Отрыв от народа, карьеризм, интриганство привели Мансурова к тяжким ошибкам и преступлениям, сделавшим невозможным дальнейшее пребывание на ответственном партийном посту. Жизнь показывает, что люди такого типа еще встречаются среди наших работников, они приносят немало вреда, и партия осуждает их действия как совершенно чуждые ленинским нормам жизни.

О Мансурове и мансуровщине заговорили в печати, на читательских конференциях. Новый материал для обсуждения дали главы, написанные автором для отдельного издания повести. И вот мы уже можем судить о герое не только по журнальному варианту произведения, но и по новой редакции, но и по тому, как его воспринимают читатели и критики.

Скажем сразу: в оценке образа появились нотки, которые не могут не насторожить. А. Эльяшевич в статье «Характер и обстоятельства» дает своеобразную интерпретацию Мансурова, как жертвы среды, обстоятельств нашей жизни. Критик полемизирует с теми, кто находит в секретаре райкома черты карьериста. На основе слов самого Павла, что он, дескать, не имеет условий для проявления своих сил, делается следующий вывод: «Неуемные силы кипят в этом человеке, не находят себе применения, гибнет на наших глазах превосходный человеческий материал».

Бедный Мансуров, что же помешало ему развернуть свои «неуемные силы»?! Целый район ему доверен, тысячи людей прислушиваются к каждому его слову. Конечно, вынужден признать автор статьи,

секретарь райкома поступил не очень верно, дав на активе опрометчивое обещание принять в район большое количество скота. Но это он сделал лишь для того, чтобы не огорчить собравшихся. Потом он допустил еще более грубые ошибки, и это тоже нехорошо, но, учтите, — здесь опять-таки не его вина. Оказывается, Павел «под давлением обстоятельств, не успев как следует освоиться с новой работой, вопреки своим планам, оказывается втянутым в авантюру»¹.

Откуда же взялась такая интерпретация образа Мансурова? Объективный анализ главного в его характере не позволяет зачислить героя повести в разряд «лишних людей»: Мансурова погубила не среда, а разросшиеся у него пережитки властолюбия, самовлюбленности, зазнайства. Однако ошибки критика порождены не просто абстрактностью его рассуждений.

Крутой поворот в судьбе Мансурова после того, как он занял руководящий пост, изображен в повести несколько поверхностно и недостаточно мотивирован психологически, что открывает возможности для различных толкований образа. Герой повести становится преступником, совершает самые неприглядные поступки. Мургина он довел до самоубийства, Гмызина стал травить. Принял любовь Кати, хотя не испытывал к ней настоящего чувства. С женой держится похамски. Перед партийной конференцией предлагает секретарю обкома нечистую сделку. Словом, воплощенный злодей, соблазнитель, чуть ли не убийца. Но все эти превращения изображены излишне торопливо, без той логики развития характера, которая была раньше заметна в поступках Мансурова. Тендряков не сумел глубоко раскрыть и психологически обосновать окончательный перелом в сознании Мансурова. Почему? Возможно, потому, что ему не удалось избежать двойственности, противоречивости в трактовке этого образа.

Мы имеем в виду не противоречия самого харак-

¹ А. Эльяшевич, «Характер и обстоятельства». «Нева», 1956, № 10, стр. 177, 178.

тера. Да, Мансуров одновременно умен, энергичен и беспринципен, нечестен; он способен на смелый поступок, обладает личным обаянием и в то же время у него все отчетливее проступают отталкивающие черты двурушника, интригана. Сложное переплетение таких качеств заставляет внимательнее вглядываться в Павла, но не нарушает цельности образа. Она пострадала из-за нечеткости авторского отношения к герою книги. Наши представления о Мансурове раздваиваются: то он чересчур увлекшийся своими планами, ошибающийся, но перспективный работник, то мелкий и подлый злодей. Корни этого раздвоения уходят глубоко в художественную ткань произведения.

Автор говорит о том, что Мансуров всю жизнь рвался к самостоятельной, кипучей деятельности. Павел с семнадцати лет пытал судьбу, искал чего-то большого. Его мучило, что «силы есть и голова на плечах, а беспомощен...» Казалось, возьмется за дело — горы своротит, только дайте начать. «Я силы чувствую, — убежден Мансуров, — расти хочется, а вот застыл, как гриб, прихваченный заморозками. Мой рост, мое движение не зависят от меня. Захотят — продвинут, не захотят — оставят киснуть на той же должности». Это не поза, не самообман. Павел охарактеризован как смелый, деятельный человек, умеющий и желающий бороться за свои замыслы. Он смело и решительно ставит вопрос о планировании в районе и получает поддержку не только обкома, но и Центрального Комитета. Он и внешне привлекателен: красивый, представительный, проникнутый чувством собственного достоинства, способный героически поступить в минуту опасности. Словом, как будто бы вполне оправдана позиция Мансурова, коротко сформулированная автором: «Павел веровал, что только беспокойные люди двигают жизнью». Не славу себе добывают, а именно «двигают жизнью».

А теперь проверим, что же двигает жизнью самого Павла Мансурова. Как мог этот смелый и самостоятельный человек отступить при *первых* же трудностях, при одном намеке на трудности? Вот он, как говорится, на коне, его высоко ценят в обкоме, любят в

районе. И все же малейшие возражения против его плана по-новому организовать лесозаготовки заставляют Павла капитулировать. Так он мог бы поступить после неудачи с организацией кормоцехов, трагической гибели Мургина, тогда, когда растерялся и совершил кучу ошибок. Но мгновенное отступление Мансурова, уверенного в своих силах и удачливости, явно не мотивировано. Находишь одно объяснение, заключенное уже не в логике развития образа, а в довольно мрачном воззрении автора на жизнь, где, дескать «прямым путем идти трудно». Так или иначе, а образ Мансурова стал терять свою определенность. Автор не дал нам оснований сомневаться в искреннем стремлении Павла приложить свои силы на самостоятельной работе. Однако герой повести с самого начала перестал думать о районе, выдвигая на первый план собственную персону. Он заботится только о том, чтобы стать первым человеком в районе, о том, чем бы удивить область, как бы уйти от ответственности за падеж скота, за гибель Мургина и т. д.

Оттеняя иной раз в Мансурове беспокойную творческую натуру, Тендряков в других случаях снижает своего героя до уровня подленького карьериста и подхалима, и это вносит новую неопределенность в образ Павла. То же самое приходится сказать и о взглядах Мансурова на жизнь, на людей. Он — за жизнь по большому счету, на полном дыхании. Что ж, это не одни слова, если перед нами действительно тот страстный, рискующий человек, каким его представляет писатель в ряде сцен и эпизодов. Павел по-своему способен думать о людях, хотя бы о возможности лично руководить ими, снискать всеобщую любовь. По книге, он не чужд и более возвышенных мыслей. В минуту, когда ему нет никакой нужды позировать, Мансуров огорчается, что прожита половина жизни и сам себе задает вопрос: «А что он сделал, что оставил людям?» Борься за правду, считает он, это «значит бороться за счастье! Тут не может быть ошибки. Правды, приносящей людям несчастье, не существует». Когда Павел самому себе отводит роль признанного всеми руководителя, это не противоречит его характеру, эгоистиче-

ским замашкам. Когда же он станвится хладнокровным убийцей, доведшим до самоубийства Мургина, здесь нельзя не усмотреть какой-то нарочитости. Она опять-таки идет не столько от правды характера, сколько от общего тезиса, сенсационно подаваемого автором, насчет того, что у нас «цифре больше верят, чем человеку».

Общая эволюция Мансурова, приведшая его к полному краху, понятна: он стал на путь карьеризма, использования непартийных методов, его смела сама жизнь, такие люди, как Игнат Гмызин, молодой коммунист Саша Комелев и другие. Изображение подобной судьбы может послужить серьезным предупреждением работникам, зараженным бактериями индивидуализма. Но, поддерживая замысел повести, видя ее несомненную талантливость, трудно скрыть огорчение по поводу странного обмельчания центрального образа. В конце книги Мансуров просто-напросто заурядный подлец. Это проявилось и в попытке навязать Курганову сделку, которую не мог бы принять ни один здравомыслящий человек, не отличающийся даже элементарной порядочностью. Такое же впечатление оставляют и дальнейшие планы Мансурова. Он почувствовал бы «великую радость, если б мог, падая, схватить сейчас за полу Курганова. Сейчас он, Мансуров, убит, — месть вдохнула бы жизнь, вызвала бы уважение к себе. . . » Не ищите, впрочем, особенно коварных побуждений в герое, который был вначале аттестован как сильная личность. Автор ввел нас в заблуждение. Рядом с главами, где действует отнюдь не положительный, но тем не менее не третьеразрядный герой, в повести существуют сцены, представляющие Мансурова круглым ничтожеством. Оказывается, дело даже не в карьере, его беспокоит лишь кусок хлеба насущного. Уже в начале повести Павел сетует на невозможность переменить работу («Куда мне идти? Профессии нет, новую приобретать — поздно. . .») После гибели Мургина он меньше беспокоится о существе дела, чем о том, куда пойдет, если его снимут с работы («. . . Он так и не успел получить профессию. . . Где смог бы он устроиться? . . .») Снятие с

работы опять-таки не вызвало особой душевной драмы, Мансурова больше тревожит, где он сможет «устроиться» («Как он будет жить теперь? Чем ему заниматься? Никакой нет специальности, никому не нужен».)

Так за чьей же судьбой мы следили на протяжении двухсот пятидесяти страниц повести? За судьбой способного работника, отступившего от ленинских норм жизни и пришедшего в безвыходный тупик, или за мелким обывателем, никому и ничем не интересным? Повесть не дает на это вполне ясного ответа. Беда в том, что Тендряков, верно уловив черты определенного человеческого типа, не позаботился о том, чтобы глубоко исследовать причины его появления и его корни в жизни, до конца понять, какие черты являются ведущими в противоречивом характере Мансурова. Вопрос о взаимообусловленности данной общественной среды и данного характера остался в общем открытым, так как жизненное развитие Мансурова изображено бегло, а декларации автора о современной нам действительности часто звучат двусмысленно, а то и прямо неверно.

Следовательно, известная недописанность образа могла вызвать и вызвала разноречивое его понимание. Но нам кажется, что критик, истолковывая образ, должен сделать упор на объективном его содержании, а не развивать и поддерживать то, что является слабостью писателя, как поступил в данном случае рецензент «Невы». Объективное же содержание образа Мансурова, при известной его противоречивости, никак не дает оснований видеть в нем «жертву среды». А критик Эльяшевич восторженно отнесся и к главам, которыми автор заключил отдельное издание «Тугого узла».

Журнальная редакция повести завершалась партийной конференцией, где Павла снимают с работы. Это выглядело не как внешняя развязка, а как совершенно закономерное разрешение конфликта, подготовленное самой жизнью, логикой развития характеров. Поэтому не ощущаешь внутренней необходимости в дописанных главах, сообщающих, что секретарь об-

кома, дабы скрыть свою ответственность за неправильное отношение к кадрам, посылает Мансурова на учебу в Высшую партийную школу. Эти главы, как уже говорилось, неожиданно превращают Курганова в хитрого политикана, хотя до сих пор он действовал как пусть ошибающийся, но честный человек. Они придают новые черты двойственности образу Мансурова, который нравственно уже полностью развенчан и не может больше рассчитывать на общественное признание. Спасать Мансурова уже поздно, лишь очень многое переосмыслив и пережив, он сможет посмотреть в глаза товарищам.

Просчеты автора в изображении центрального образа серьезно ослабили звучание главной мысли повести. А ведь несмотря на имеющиеся в ней односторонние, непродуманные выводы, прямую дань мнимой «остроте», «Тугой узел» привлекает верой в добрые качества народа, представленного и партийными активистами, и рядовыми колхозниками. Всего показательнее судьба Саши Комелева. Совсем зеленым юношей начал он, после смерти отца, свой трудовой путь в семье приютившего его Игната Гмызина. В живом деле, работая в колхозе, он приобрел практические навыки, возмужал, окреп. И на людей стал смотреть иначе, и цену человеческой честности узнал, и любовную драму пережил. Действительность и окружающие люди, сама атмосфера нашей жизни подготовили его к вступлению в партию. Через поиски, разочарования, зрея и мужая, приходит Саша к конференции, где решается вопрос о снятии Павла Мансурова. Повесть первоначально заканчивалась адресованными ее юному герою словами: «Он готовится выступить, он сегодня вместе с другими будет решать серьезные партийные дела».

«Вместе с другими!» Все заключено в этих словах — и вера в советский коллектив, формирующий людей нового склада, и признание неуязвимости народного духа, и надежда на успешное преодоление всех трудностей. Саша становится мужественным бойцом за дело партии, когда включается в жизнь партийного коллектива, чувствует локоть товарищей,

проникается чувством личной ответственности за общее дело.

Очень сложный жизненный материал оказался в поле зрения Тендрякова. В тех случаях, когда материал глубоко понят и верно осмыслен, мы видим яркие сцены, находим зрелые размышления. Там же, где автор только фиксирует поразившие его наблюдения, да еще всячески старается «заострить» их, там возникают внутренние противоречия, образы теряют жизненную полноту и определенность. Это общий закон художественного творчества. Стоит писателю растеряться перед сложностью действительности, и действие его произведения начинает смещаться, мысль теряет точность и глубину. Чем многообразнее и сложнее интересующий художника материал, тем взыскательнее должен быть сам художник, стремясь разобраться в причинах и перспективах происходящего, в мотивах поведения людей, уловить общую связь явлений, место в ней каждого отдельного факта.

Широты взгляда на современную действительность и не хватает некоторым молодым писателям, той широты, о которой напоминает в приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду советских писателей. Быть на высоте задач социалистического реализма, сказано в приветствии, значит проникновенно изображать жизнь и людей «с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода ее от социализма к коммунизму»¹.

Осмысливая увиденное в свете этих великих задач, писатель дает ясную оценку каждому факту, проверяет его жизненность соответствием общей цели. Выхватывая же отдельные примеры, описывая их без связи с развитием общества в целом, нетрудно прийти

¹ Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., «Советский писатель», 1956, стр. 8.